

к жизни людей данной профессии в эпоху Петра, по-видимому, объясняется главным образом характером общественной репутации переводческой деятельности в то время. Любопытно с этой точки зрения известное доношение Петру I оскорбленного Ильи Копиевского, сознававшего «престижность своего труда»: «По указу твоего пресветлейшего царского величества, написал я воинских дел промыслы некоторые и статьи к ним, но не можно было совершенного толкования в статьях скорым делом написать, потому что переводчик, который имелся делать приправы воинския, отъехал был в Бруксель. Обаче же подражая древних монархов и храбрых воинов помыслы, вся совокупил во едино и, запечатовав, вручил я великому боярину Федору Алексеевичу. А мне подьячий Михайла Ларивопов отпечатованныя — па укоризну приведши мя в поварю — пред всеми отдал мне, аки бездельницу какую, поругаяся ми, сказал: у нас-де промышленных людей на Москве стегают. . .»³

Иным было отношение к крупнейшим духовным писателям того времени — Стефану Яворскому и Феофану Прокоповичу. Независимо от статуса писателя, они были в глазах современников прежде всего видными деятелями церкви, лицами историческими. Культурная традиция позволяла отражать в предании любопытные обстоятельства их жизни. Однако, видимо, именно писательская ипостась бытия определила амплуа острословов, которым наделены Стефан Яворский и Феофан Прокопович как герои немногочисленных преданий. Одно из них рассказывает об остроумном ответе Стефана Яворского Петру I, пожелавшему узнать, в чем отличие чудотворного образа от нечудотворного, «ибо они одинаково писаны». Находчивый Стефан ответил, что повседневная шляпа государя и та, которая прострелена пулей в Полтавском сражении, тоже «одной шерсти и суть дело рук человеческих. Но великое между ими различие: шляпа, которая была на голове Великого человека в вечнопамятный день для России, и простреленная пулей заслужила пред другими шляпами отличие и почтение».⁴

Подобные предания сложились во многом под влиянием фаций с сюжетной схемой «монарх и поэт», где, по наблюдению А. М. Панченко, победа остроумного поэта над монархом была победой «шута, который по должности говорит хозяину смешные колкости и зарабатывает насущный хлеб веселыми апофегмами».⁵ Существенную роль сыграло и хорошо знакомое русскому читателю «Езопово житие» — легендарная биография, составленная в значительной степени из анекдотов об остроумии поэта.⁶

³ Там же. С. 521—522.

⁴ *Кашин Н. И.* Остроумный ответ Петру Первому архиерея Стефана Рязанского // *Русский вестник*. 1808. Ч. 4, № 10. С. 45—47.

⁵ *Панченко А. М.* Русская культура в канун Петровских реформ. Л., 1984. С. 175.

⁶ Публиковалось в качестве приложения к басням Эзопа. (М., 1712; СПб., 1747 и др. изд.).